

Открыв глаза, Нин Си обнаружил, что снова лежит на больничной койке.

Всё тот же знакомый потолок. В самый первый день своего появления здесь он очнулся именно в этой палате, и вот — не прошло и пары недель, а он опять на том же месте.

— Очнулся?

Голос тоже казался до боли знакомым. Повернув голову, Нин Си встретился взглядом с Сун Ицзэ.

Тот сидел у изголовья и спокойно наблюдал за ним. Однако в его облике что-то изменилось: обычно ледяной, отстранённый взгляд затеплился мягким, почти нежным чувством.

От этой нежности Нин Си стало только жутко.

— Хочешь воды? — Сун Ицзэ поднялся и, налив из кувшина стакан, протянул ему.

— А... спасибо. — С трудом приподнявшись, Нин Си принял помощь: Ицзэ аккуратно поднёс стакан к его губам. Нин Си сделал пару небольших глотков, смывая сухость.

Утолив жажду, он снова опустился на подушку и скопился на спутника.

На этот раз Сун Ицзэ не решал тесты и даже не просматривал телефон. Он просто молча сидел подле него, не сводя глаз. От этого небывалого внимания становилось совсем не по себе.

Нин Си не выдержал:

— Э-э... сколько сейчас времени?

— Одиннадцать вечера, — ответил Сун Ицзэ.

— Одиннадцать?! — Нин Си едва не подскочил на кровати.

«Мамочки, да что вообще произошло?! Кажется, когда я выходил из дома, было часа два дня, а теперь — одиннадцать вечера?!»

— Постой... а как же... учебная группа?.. — сбиваясь, пролепетал Нин Си.

— Всё в порядке, я предупредил ребят, — спокойно остановил его Сун Ицзэ. — Ты только что завершил дифференциацию. Лежи и не дёргайся, тебе нужен отдых.

Нин Си замер:

— Я... дифференцировался?

— Угу.

В своё время, разжившись смартфоном, Нин Си дотошно изучил местную википедию по теории АВО. И хотя практики у него не было, теоретическую базу он усвоил отлично.

Пошевелив конечностями, он не почувствовал особых изменений.

Разве что... с непривычки дико раскалывалась голова. Воздух вокруг казался перенасыщенным чужеродными запахами — впервые Нин Си ощущал феромоны настолько остро. Тело налилось свинцовой слабостью, а мигрень так и пульсировала в висках.

Заметив его мучения, Сун Ицзэ тихо произнёс:

— Поспи ещё.

Нин Си повернулся на бок, подложил ладонь под щеку и посмотрел на парня:

— Ты уходишь?

— Нет, — голос Сун Ицзэ звучал бархатисто и мягко, будто он убаюкивал ребёнка. — Я останусь с тобой. Спи.

«Надо же, не уходит...»

Нин Си разглядывал его профиль: чётко очерченный подбородок, изящную линию шеи, кадык, плавно ходивший вверх и вниз. В мягком свете ночника юноша выглядел удивительно строгим и в то же время притягательным.

Новоиспечённый Омега подсознательно поддался чувствам. Почти заворожённо глядя на Сун Ицзэ, Нин Си очнулся лишь спустя пару минут и подал голос:

— Я проголодался.

— Чего бы тебе хотелось?

— Рисовой лапши Луосифэнь! С жареным яйцом и побольше острого перца!

—... — Сун Ицзэ окинул его взволнованным, но твёрдым взглядом. — Я принесу тебе лапшу на чистом бульоне.

— Чистый бульон... — по-детски скривился Нин Си. — Не хочу преснятину.

— Ты только что прошёл дифференциацию, организм слаб, да ещё и простуду подхватил, — с мягкой настойчивостью пояснил Ицзэ. — Поправишься — пойдём за твоей острой лапшой.

Тело Нин Си всё ещё горело лёгким жаром. Хоть боль и притихла, тупые прострелы в костях не прекращались.

Сегодняшний Сун Ицзэ казался невероятно уступчивым, а его запах успокаивал лучше любого лекарства. Нин Си не удержался:

— Сун Ицзэ, подойди ближе.

— Хорошо.

Сун Ицзэ подвинул стул почти вплотную и слегка наклонился к нему.

Аромат уда и горького апельсина — свежий, чистый, с прохладными древесными нотами и лёгкой цитрусовой сладостью — окутал Нин Си, даруя мгновенное облегчение.

Инстинкты Омеги жаждали большего. Чуть приподнявшись, Нин Си выложил нечто совсем уж несусветное, надеясь хотя бы на каплю утешения:

— Можно взять тебя за руку?

Он уже приготовился к неизбежному отпору, но Сун Ицзэ неожиданно кивнул и спокойно произнёс:

— Можно.

И, протянув руку, накрыл ладонь Нин Си своей.

Широкая, с длинными точёными пальцами и чётко проступающими под бледной кожей венками — в ярком свете больничной лампы его рука выглядела чертовски красивой.

Нин Си аж подскочил про себя. Ладонь Ицзэ оказалась неожиданно горячей, почти обжигающей; она полностью скрыла его сжатый кулачок.

«Мать твоя... Что происходит?! Этот малый точно сам не свой!»

Нин Си перевёл заворожённый взгляд со сцепленных пальцев на лицо парня.

Как это понимать?! Альфа берет за руку Омегу... и это вдруг считается нормой?!

С запоздалым ощущением абсурдности Нин Си решил проверить границы дозволенного и ляпнул от балды:

— Сун Ицзэ... а обнять тебя можно?

Сун Ицзэ, не выпуская его ладони, второй рукой развёл полы одежды и раскрыл объятия.

— Иди сюда, — ровным голосом пригласил он.

Нин Си потерял дар речи.

«Я всё ещё сплю? Или этот парень окончательно свихнулся?»

Сев прямее, Нин Си уставился на него с глубочайшим подозрением:

— В тебя что, злой дух вселился?

Сун Ицзэ лишь молча моргнул.

— С чего вдруг такая щедрость? — засыпал его вопросами Нин Си. — Признавайся, пока я спал, ты сотворил какую-то дичь и теперь мучаешься совестью?

—... — Сун Ицзэ запнулся, а затем тихо ответил: — Я просто хочу о тебе позаботиться.

Нин Си осёкся.

«Так, стоп, стоп, стоп. С какой стати ему обо мне заботиться?! Неужели и вправду заглаживает вину?!»

Подозрение в его взгляде разгорелось с новой силой.

Внезапно шею пронзила острая боль, волной подхватившая всё тело. Нин Си замер, рука невольно дрогнула — казалось, в спину вонзились сотни иголок.

«Да что ж такое... Почему после этой дифференциации болит волнами?!»

Сун Ицзэ мгновенно уловил и судорожное движение, и то, как изменилось его лицо.

В следующее мгновение Нин Си оказался крепко прижат к чужой груди.

Обжигающее тепло и запах уда с горьким апельсином волной накрыли его сознание, успокаивая растревоженные нервные окончания.

Прохладные феромоны вытеснили весь больничный воздух. Вторая рука Сун Ицзэ плавно и мерно поглаживала его по спине, баюкая.

«Охренеть...» — была единственная разумная мысль в голове Нин Си.

Густой, ровный поток феромонов заставил расслабиться каждую клеточку тела, тупя острую боль. Поддавшись инстинкту Омеги, Нин Си отбросил лишние размышления.

Уткнувшись носом в плечо Ицзэ, он жадно впитывал спасительный аромат.

А затем безрадостно пробормотал:

— Ты совсем мозгами тронулся, а?..

Атмосфера романтического момента моментально рухнула.

Сун Ицзэ лишь сокрушённо усмехнулся и обнял его крепче.

— Извини, — шепнул он прямо у самого уха.

Голос звучал бархатисто, отзываясь щекотливым теплом.

Извинение вышло абсолютно спонтанным — Нин Си понятия не имел, за что тот просит прощения, но дискомфорт и впрямь улетучился.

Он подсознательно уткнулся лбом в чужую грудь, потёршись макушкой.

Юноши сидели в обнимку посреди палаты, пропитанной сладковато-древесными феромонами. Под успокаивающей опекой Альфы Нин Си постепенно пришёл в себя.

Медленно подняв голову, Нин Си с трудом разомкнул веки — и встретился взглядом с Юй Цзиньюэ. Тётушка стояла в дверях палаты и сияла невероятно умиленной, добродушной улыбкой.

— Ой-ой-ой! — воркующе пропела Юй Цзиньюэ, с замиранием сердца разглядывая обнимающуюся парочку. — Ах, юность, какая же прелесть!

Нин Си будто током ударило. Он оттолкнул Сун Ицзэ с такой силой, что тот отлетел в сторону с ошеломлённым видом.

Повернувшись, Ицзэ наткнулся на расплывшуюся в улыбке мать.

— Прости, Сяо Нин, я была на обходе и только освободилась, — Юй Цзиньюэ подошла ближе и ласково сжала ладонь Нин Си. — Когда ты очнулся? Как себя чувствуешь? Не тошнит?

—... Только что проснулся, уже гораздо лучше, — замялся Нин Си, смущённый таким порывом заботы.

Он уже собрался вежливо выдать: «Спасибо за заботу, тётушка», — как следующая фраза заставила его онеметь.

— Если что-то побеспокоит — сразу говори маме, не терпи через силу, договорились?

«... МАМЕ?!»

Стоп. Это же мама Сун Ицзэ!

С какого перепуга она стала ЕГО мамой?!

Нин Си впал в ступор. Спустя добрые полминуты полного простраства он перевёл ошарашенный взгляд на Сун Ицзэ.

Тот выглядел не менее сбитым с толку и трусливо отводил глаза.

— Наш Сяо Нин после дифференциации стал ещё краше! Мой дуралей урвал настоящее сокровище, — всплеснула руками Юй Цзиньюэ. — Я вам, наверное, помешала? Извини, милый, мамочка не хотела перебивать такой момент.

Картина мира Нин Си трещала по швам.

«Так, стоп-стоп-стоп-стоп! Да что здесь вообще происходит?!»

— Мам, у тебя разве не дежурство? — не выдержал сзади Сун Ицзэ, сгорающий со стыда. — Раз убедилась, что с ним всё в порядке, иди работай.

Юй Цзинъюэ обернулась и одарила сына строгим взглядом.

Поколебавшись пару секунд, она повернулась к Нин Си:

— Ну ладно, Сяо Нин. Главное, что ты в норме. Отдыхай, а мама навестит тебя завтра.

«И ведь кличут "мамой" так легко и беззаботно!»

Нин Си заторможенно кивнул, провожая взглядом вышедшую из палаты Юй Цзинъюэ, после чего перевёл столь же остекленевший взор на Сун Ицзэ.

—...

—...

— Я пытался ей объяснить, — сдавленно пробормотал Ицзэ. — Она не слушает.

—...

—...

—...

Они молча уставились друг на друга.

Сун Ицзэ правда опустил руки не от лени — любые оправдания были бесполезны и гарантировали лишь порцию нагоняев. Юй Цзинъюэ свято уверовала, что Нин Си — её будущий зять, а любые слова сына воспринимала как глупые отговорки. К тому же, виноват в случившемся был сам Ицзэ, так что переубедить мать не было ни малейшего шанса.

Но он и помыслить не мог, что она с порога зайдёт с козырей и наречёт себя «мамой»!

«Боже, за что...»

Уши Сун Ицзэ пылали пунцовым цветом.

Спустя долгую паузу он отвернулся и пробормотал:

— Ты же... голоден. Схожу за лапшой.

— Угу... — на автомате ответил Нин Си.

Понутив голову, парень стремительно сбежал из палаты. Нин Си остался один в тишине больничной койки, всё ещё с трудом переваривая происходящее.

И лишь в этот момент к его щекам хлынула горячая волна смущения.

Опомнившись, Нин Си уткнулся лицом в ладони, пытаясь скрыть пылающий румянец.

В груди заколотилось глухое, оглушительное сердцебиение.

«Мамочки мои... Да что со мной такое?!»

<http://bllate.org/book/20373/2213154>